

Антизападнические мотивы в раннем русском консерватизме

Исторически первыми в Российской империи в начале XIX века возникли течения консерватизма, ставящие своей целью борьбу с русским западничеством, точнее с галломанией, «французолобием». Франция тогда абсолютно доминировала в Европе и представлялась своего рода «квитэссенцией» Запада в сознании тогдашних русских западников. Французские языковые, культурные и идеологические модели рассматривались влиятельной частью российской элиты как объект для подражания, как то, что необходимо во что бы то ни стало пересадить на русскую почву: от языка и моды до политической идеологии и государственного устройства. При этом российские галломаны, как правило, не осознавали, что основная угроза Российской империи исходила именно от наполеоновской Франции, стремящейся к господству в Европе и агрессивно распространявшей своего рода модифицированный «глобальный проект», возникший в результате Великой французской революции.

Заметнее всего галломания сказывалась на бытовом уровне. В результате ее распространения появлялись «градоначальники, затруднявшиеся в объяснениях с подчиненными, которые не говорили по-французски» [3, с. 6]. Можно найти свидетельства того, что представители высшего общества «красоту и силу природного языка изучали у псарей, лакеев, кучеров, и надо отдать справедливость, что изученное таким путем красноречие знали в совершенстве» [5, с. 126]. Забвением родного языка, впрочем, дело не ограничивалось.

Галломания, с точки зрения русских консерваторов, как минимум вела к распаду семейных связей и традиций, деградации нравов: иностранные воспитатели делались «повелителями в семействе и тиранами детей», которые «внушали детям неуважение к родителям и, если не презрение, то полное равнодушие ко всему русскому и сочувствие ко всему иностранному» [5, с. 132]. Одним из последствий иностранного воспитания было нравственное разложение части русской дворянской молодежи: «в десять – двенадцать лет мальчики пили мертвую чашу и знали все проделки разврата» [5, с. 133]. В русской жизни появились доселе неслыханные новшества: «тайные развратные общества: в Москве – клуб адамистов, а в Петербурге – общество свиней» [5, с. 131].

Как максимум в консервативном дискурсе воспитание, осуществляемое иностранцами, воспринималось как орудие европейской политики для достижения «анти-русских целей» [3, с. 1]. Галломания представлялась консерваторам тем идейным злом, в котором оказались как бы сфокусированы все угрозы, которые несли с собой идеология Просвещения, Французская революция и наполеоновская агрессия.

Минаков Аркадий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма.
E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

В рамках раннего русского консерватизма главным борцом против галломании русского дворянского общества первой четверти XIX века были и остается А.С. Шишков. Наиболее рельефно его взгляды отражены в знаменитом трактате «Рассуждение о старом и новом слоге языка российского». В «Рассуждении» Шишков резко выступил против тех, кто, по его словам, был «заражен неисцелимою и лишающею всякого рассудка страстию к Французскому языку» [18, с. 1].

В описании Шишкова галломания выглядела как тяжкая духовная болезнь, поразившая русское общество: «Они (французы. – А.М.) учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как пить, как говорить, как кланяться, и даже как сморкать и кашлять. Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками. Пишем друг к другу по Французски. Благородные девицы наши стыдятся спеть Рускую песню» [18, с. 252]. Всё это, по его мнению, чрезвычайно опасно для самой будущности русского государства и народа, поскольку «ненавидеть свое и любить чужое почитается ныне достоинством» [18, с. 6].

Подобное положение, по Шишкову, было совершенно недопустимо, ибо означало, по его мнению, что французы, по сути дела, завладели Россией без единого выстрела и господствуют в ней: «они запрягли нас в колесницу, сели на оную торжественно и управляют нами – а мы их возим с гордостью, и те у нас в посмеянии, которые не спешат отличать себя честию возить их!» [18, с. 252–253]. В итоге, заявлял Шишков, возникло своего рода моральное рабство, которое по своим последствиям хуже физического порабощения, всё же оставляющего надежду на грядущее освобождение: «Народ, который все перенимает у другого народа, его воспитанию, его одежде, его обычаям наследует; такой народ унижает себя и теряет собственное свое достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушается ими, но почитает их своим украшением» [18, с. 225–226].

Процессы всеобщей нравственной деградации, «растления», «заразы», предшествующих революции, по Шишкову, начались прежде всего в результате массового наплыва галлицизмов в русский язык и заимствования чужих обычаев. Всё это однозначно расценивалось им как своеобразная подрывная акция со стороны сознательных и бессознательных врагов России, которые «вломались к нам насильственно и наводняют язык наш, как потоп землю» [18, с. 3]. А это вело к разрушению нравственных устоев общества. Любопытно отметить известный параллелизм взглядов на язык Шишкова и Ж. де Местра, который писал: «всякое вырождение отдельного человека или целого народа тотчас же дает о себе знать строго пропорциональной деградацией языка» [10, с. 58].

Причины подобного отношения Шишкова и других консерваторов к французскому языку, литературе и в целом к французам очевидным образом определялись полным неприятием идей Просвещения и негативным опытом Французской революции, реализовавшей эти идеи на практике. С их точки зрения, нация, уничтожившая монархический принцип и религию, установившая якобинский террор, не может дать миру никаких конструктивных идей [1, с. 30].

Н.М. Карамзин, которого в либеральной и советской историографии обычно противопоставляют Шишкову как своего рода литературный символ утонченной галломании (хотя идейными антагонистами к началу XIX века они не были), не менее резко выступал против повсеместного использования образованным слоем французского языка, против воспитания русских детей за границей, западной моды, против подражательства всему иностранному и т.д. Наиболее яркое произведение Карамзина, которое отразило подобные мотивы, – «О любви к отечеству и народной гордости» (1802).

Консервативно-патриотический пафос Карамзина в этом произведении чрезвычайно силен: «...смирение в политике вредно. Кто сам себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но... станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое, и повторим его с благородною гордостью» [6, с. 253–254]. Оценить подобное изменение общественно-политических и культурных установок бывшего масона и космополита можно лишь, зная о том, что в «Письмах русского путешественника» (своего рода «священном тексте» русского западничества, созданном молодым Карамзиным) он утверждал, что после России для него нет земли «приятнее Франции», а французы – «самый любезный из всех народов».

Карамзин призвал прекратить безоглядное заимствование опыта Запада: «Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках <...> Хорошо и должно учиться: но горе <...> народу, который будет всегдашним учеником» [6, с. 257].

Карамзина немало беспокоило то обстоятельство, что большую часть учителей и воспитателей в России составляют иностранцы, и он не раз предлагал заменить их «природными русскими»: «нельзя ли завести особенной педагогической школы, для которой российский дворянство в нынешние счастливые времена не пожалело бы денег? <...> У нас не будет совершенно морального воспитания, пока не будет русских хороших учителей <...> Никогда иностранец не поймет нашего народного характера и, следовательно, не может сообразоваться с ним в воспитании. Иностранцы весьма редко отдают нам справедливость: мы их ласкаем, награждаем. А они, выехав за курляндский шлагбаум, смеются над нами или бранят нас <...> и печатают нелепости о русских» [7, с. 363].

В 1807 году вышел памфлет «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» Ф.В. Ростопчина. Это был своего рода антигалломанский манифест складывающегося русского консервативного национализма. Произведение носило не только антинаполеоновскую, но и антифранцузскую направленность: «Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать француз: сгинь ты дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, все равно – только не будь на Руси» [13, с. 148]. Французы обвинялись Ростопчиным в деградации России, в том, что своим влиянием они разрушили почитание Бога, царя, отечества, внушили презрение к русскому языку.

Ростопчин использовал для характеристики французов особый, «лубочный» стиль, в духе карикатур И.И. Теременина: «Вить что, проклятые, наделали в эти двадцать лет! Все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потом спорить, браниться, драться; ничего на месте не оставили, закон попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! – отца. Головы рубили, как капусту; всё повелевали – то тот, то другой злодей. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смел рта разинуть, носу показать и суд был хуже Шемакина. Только и было два определения: либо в петлю, либо под нож. Мало показалось своих резать, стрелять, топить, мучить, жарить и есть, опрокинулись к соседям и начали грабить и душить <...> приговаривая: “После спасибо скажете”. А там явился Бонапарт <...> шикнул, и все замолчало. Погнал Сенат взащей, забрал все в руки, запряг в военных, и светских, и духовных и стал погонять по всем по трем. Сперва стали роптать, потом шептать, там головой качать, а, наконец кричать: “Шабаш республика!”. Давай Бонапарта короновать, а ему настать. Вот он и

стал глава французская, и опять стало свободно и равно всем, то есть: плакать и кряхтеть; а он, как угорелая кошка, и пошел метаться из угла в угол и до сих пор в чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революция – пожар, Франция – головешки, а Бонапарте – кочерга» [13, с. 149].

В 1807 году возникло литературное объединение русских консерваторов, ядро которого составляли так называемые «архаисты», противники сентименталистского «нового слога»: А.С. Шишков, Г.Р. Державин, И.А. Крылов, С.А. Ширинский-Шихматов и др. – «Беседа любителей русского слова». «Беседа» была консервативной по своему составу и идейной направленности. По словам ее участника А.С. Стурдзы, она была «выражением пламенной любви ко всему отечественному, родному – любви пробужденной роковыми событиями того времени. Россия <...> готовилась к отчаянной схватке с Западной Европой» [14, с. 5–6]. К 1811 году кружок был формализован, был выработан его устав, а на заседания собиралось по несколько сот человек из высшего столичного общества, включая министров, генералитет, членов Святейшего Синода и т.д. «Плюралистический» состав «Беседы», состоявшей из лиц, принадлежавших к различным политическим и литературным группировкам и направлениям, зачастую находившихся друг с другом во враждебных отношениях (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, М.М. Сперанский, М.Л. Магницкий, С.С. Уваров, А.Н. Голицын, Ф.В. Ростопчин, А.С. Шишков, П.И. Голенищев-Кутузов и т.д.), заставляет предположить, что одной из недеклалируемых ее целей было объединение прежних идейных оппонентов в атмосфере резкого усиления угрозы со стороны наполеоновской Франции на основе национально-патриотических настроений.

Одним из самых выдающихся событий за весь период существования «Беседы» стало чтение Шишковым «Рассуждения о любви к Отечеству», в котором он обрушился на космополитизм дворянского общества, особенно опасный в преддверии войны с Наполеоном: «человек, почитающий себя гражданином света, то есть, не принадлежащим никакому народу, делает то же, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных <...> Все веки, все народы, земля и небеса возопияли бы против него: один ад стал бы ему рукоплескать» [17, с. 147–148, 149]. Пренебрежение к национальным обычаям и традициям, отсутствие патриотизма и любовь к иностранному могут оказаться смертельно опасными в момент военных испытаний для России: «Когда станут увеселять нас чужие обычаи, чужие игры, чужие обряды, чужой язык, обворожая и прельщая воображение наше, тогда при всех правилах, при всех добрых расположениях и намерениях станет уменьшаться первейшее основание любви к отечеству, дух народной гордости <...> Когда один народ идет на другого с мечем и пламенем в руках, откуда у сего последнего возьмутся силы отвратить сию страшную тучу, сей громовой удар, если любовь к отечеству и народная гордость не дадут ему оных. <...> Отсюда явствует, что не одно оружие и сила одного народа опасна бывает другому – тайное покушение прельстить умы, очаровать сердца, поколебать в них любовь к земле своей и гордость к имени своему есть средство надежнейшее мечей и пушек» [17, с. 166, 170–171].

«Беседа любителей русского слова» актуализировала складывавшуюся консервативную идеологию для значительной части столичного общества и послужила своего рода «трамплином» для политической карьеры А.С. Шишкова, который в 1812–1814 годах фактически выполнял роль главного идеолога и пропагандиста Отечественной войны и зарубежных походов русской армии.

Огромное воздействие на складывание русского консерватизма оказали события 1805–1807 годов, когда, став участником антинаполеоновских коалиций, Россия потерпела ряд военных поражений и вынуждена была

в 1807 году заключить Тильзитский мир, воспринимавшийся современниками как крайне позорный. В обществе возникло исключительное по интенсивности национально-патриотическое настроение. Процитируем П.А. Вяземского, которого трудно упрекнуть в обскурантизме и ксенофобии: «Дух чужеземства мог быть тогда в самом деле опасен. Нужно было противодействовать ему всеми силами и средствами. В таких обстоятельствах даже излишества и крайность убеждений были у места. Укорительные слова: галломания, французолубцы, бывшие тогда в употреблении, имели полное значение. Ими стреляли не на воздух, а в прямую цель. Надлежало драться не только на полях битвы, но и воевать против нравов, предубеждений, малодушных привычек. Европа онаполеонила. России, прижатой к своим степям, предлежал вопрос: быть или не быть, то есть следовать за общим потоком и поглотиться в нем, или упорствовать до смерти или до победы?» [цит. по: 4, с. 438]. Галломания постепенно начала становиться явлением неприемлемым не только для консерваторов, но и для значительной части образованных людей того времени.

Следует отметить, что консервативно настроенные иностранцы осуждали галломанию едва ли не в более резких выражениях, нежели их русские единомышленники. Так, Ж. де Местр писал: «У меня нет слов описать вам французское влияние в сей стране. Гений Франции оседлал гения России буквально так, как человек обуздывает лошадь» [9, с. 178]. Этот факт расценивался французским консерватором крайне негативно, поскольку «российская цивилизация по времени совпала с эпохой максимального развращения человеческого духа, и множество обстоятельств <...> пришли в соединение и, так сказать, смешали русский народ с народом, который одновременно был самым ужасным орудием и самой жалкой жертвой этого развращения. <...> Ужасная литература XVIII века сразу, без какой-либо подготовки проникла в Россию, и на первых уроках французского языка, который слышало русское ухо, звучали слова богохульства» [11, с. 40–41].

В ходе борьбы с галломанией постепенно возникла первоначальная программа русских консерваторов, сформулированная преимущественно Н.М. Карамзиным, А.С. Шишковым, Ф.В. Ростопчиным, С.Н. Глинкой. Они воспринимали либеральные проекты начала царствования Александра I как проявление все того же французского влияния, как пересаживание на русскую почву принципов Французской революции. В своих воспоминаниях Шишков противопоставлял молодых реформаторов, окружавших императора, екатерининским вельможам, которые «должны были умолкнуть и уступить новому образу мыслей, новым понятиям, возникшим из хаоса чудовищной французской революции. Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбием, не имея ни опытности, ни познаний, стали все прежние в России постановления, законы и обряды порицать, называть устарелыми и невежественными. Имена вольности и равенства, приемлемые в превратном и уродливом смысле, начали твориться пред младым царем» [16, с. 84–85]. Особую неприязнь вызывала у консерваторов деятельность Негласного комитета, который, впрочем, сам Александр I полушутя-полусерьезно называл именем карательного органа якобинской диктатуры – «Комитет общественного спасения».

Представленный в Государственный Совет Сперанским знаменитый конституционный проект общего гражданского законодательства «Введение к уложению государственных законов», по утверждению Карамзина, являлся лишь перифразом французского законодательства: «издаются две книжки под именем проекта Уложения. Что же находим? Перевод Наполеонова кодекса» [8, с. 422].

Антизападничество консерваторов совпадало с их же антиконституционализмом. С их точки зрения «вводимые законы и учреждения в подражание

европейским государствам, кроме замешательства, в Российском государстве никогда ничего произвести не могли, и никогда в нем остепениться и укрепиться оным невозможно, потому что все оные <...> противуестественны духу народа русского, его почвенным нравам, обычаям, образу мыслей и склонности. Наружность европейскую приняли некоторые сословия, но корень русской правды непоколебимым пребывает и донныне; разве развращение нравов, от Европейцев принимаемое, сгноит корень, но тогда все рухнет!» [цит. по: 2, с. 94].

Самодержавие, в противоположность таким феноменам, как республика, парламент и конституция, представлялось им как особый, самобытно-русский тип власти, тесно связанной с православием и православной церковью. Вся система государственных и общественных институтов Руси-России была своего рода «излиянием монаршей власти», монархический стержень пронизывал всю политическую систему сверху донизу. Самодержавие, таким образом, было демиургом, создавшим русскую государственность и русский народ, проявлением национального, самобытного русского Духа, «Палладиумом» России, являвшимся в сознании консерваторов главной причиной и гарантией ее могущества и процветания. Ограничить самодержавие означало столкнуть страну в катастрофу, как минимум резко ее ослабить. Создателем этой концепции был Н.М. Карамзин.

Православие играло во взглядах консерваторов огромную роль. Так называемая православная дружина (современные историки называют ее православной оппозицией, поскольку представители ее противостояли официальной конфессиональной политике, которая базировалась на идеях западноевропейского мистицизма и масонства) была, по сути, своего рода «консервативной партией» в церковной и околоцерковной среде. Среди нее наиболее яркими фигурами были архимандрит Юрьева Новгородского монастыря Фотий (Спасский), митрополиты Серафим (Глаголевский) и Евгений (Болховитинов), А.А. Аракчеев, А.С. Шишков, М.Л. Магницкий, С.А. Ширинский-Шихматов. Самым выдающимся светским консервативным православным мыслителем, примыкавшим к «православной дружине», был А.С. Стурдза.

Система православных ценностей оказала существенное воздействие на формирование русского консерватизма, оказав блокирующее действие на процесс рецепции иноконфессиональных консервативных западных доктрин. Так, консерваторы заблокировали масштабный проект реформации Церкви, вынашиваемый Александром I и его ближайшим сотрудником А.Н. Голицыным, который предусматривал распространение некоего экуменического варианта христианства, связанного с антицерковными западноевропейскими учениями, в частности протестантским мистицизмом и масонством, что могло бы изменить религиозную и, соответственно, национальную идентичность вначале элиты, а затем народа. С 1824 года монархическая власть более не ставила под сомнение статус православия как господствующей религии, а русский консерватизм отныне базировался исключительно на православии.

Одна из причин, по которой ряд консерваторов приняли самое активное участие в устранении с политической арены великого либерального реформатора М.М. Сперанского, заключалась в том, что он воспринимался ими как своего рода «агент влияния», центральная фигура ненавистной им либеральной «французской партии». Н.К. Шильдер следующим образом описывает то, как восприняла консервативная часть русского общества опалу Сперанского: ее «торжествовали как первую победу над французами. Таким образом, предначертанная цель была вполне достигнута и сопровождалась замечательным успехом; дух патриотизма и приверженности к правительству был пробужден и укреплен во всех сословиях, подготавливая ведение национальной войны, в которой видели спасение России» [15, с. 45].

Таким образом, консерваторы заблокировали реализацию масштабного конституционного либерального проекта, который на том этапе должен был реально ограничить самодержавие. И, как небезосновательно опасались консерваторы, одновременно существенно ослабить мощь России перед большой войной.

Консервативно-патриотические настроения и взгляды начала XIX века объективно оказались необходимым политическим инструментом для победы в Отечественной войне 1812 года и преодоления галломании части дворянского высшего общества. С началом войны с Наполеоном антифранцузские настроения достигли своего апогея. В.К. Надлер, опираясь на свидетельства современников, отмечал по этому поводу: «Высшие классы нашего общества внезапно переродились; из французов и космополитов они вдруг превратились в русских. Дамы и светские кавалеры вдруг отказались от французского языка. Они начали говорить по-русски и с удивлением замечали, что говорить на родном языке для них легче и что русский язык совершенно удобен для употребления в гостиных. Французская мода также подверглась всеобщему гонению. Многие дамы поспешили нарядиться в сарафаны, кокошники и повязки; мужчины начали носить серые ополченские кафтаны. В Петербурге никто не хотел более слышать французских актеров; толпа встречала их неистовым свистом, криком, ругательствами и гнала их со сцены. Правительство поспешило закрыть французский театр» [12, с. 13].

Во многом благодаря усилиям консерваторов высший образованный слой вновь начал говорить на русском, а не французском языке. А победы 1812 года и военные походы русской армии, в которых консервативная «русская партия» сыграла весьма важную роль, привели к тому, что Российская империя вплоть до Крымской войны доминировала в Европе.

В полемике с галломанами русские консерваторы сформулировали некоторые основные постулаты нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость некритического подражательства западноевропейским образцам, ставка на собственные самобытные традиции, языковые, религиозные, политические, культурные; опора на патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность традициям мощной государственности – самодержавной монархии. Показательна их предметная любовь к русской культурной традиции и русской истории, стремление сделать их опорой для консервативного мировоззрения. Шишков одним из первых делает перевод «Слова о полку Игореве» и обширнейший комментарий к нему, а Карамзин создает «Историю государства Российского», которая оказала огромное влияние на формирование национальной идентичности образованного слоя, лояльного государству и Церкви. Вклад в русскую культуру таких ранних русских консерваторов, как гениальные Г.Р. Державин, И.А. Крылов, трудно переоценить. Как минимум небезаланными литераторами были С.А. Ширинский-Шихматов, Ф.В. Ростопчин, С.Н. Глинка. Все они вместе готовили почву для грядущего «золотого века» русской культуры.

Любопытно отметить, что в условиях борьбы против наполеоновской Франции некоторые западноевропейские консерваторы готовы были признать желательность, конструктивность и реалистичность некоторых существенных элементов программы ранних русских консерваторов. В частности, барон Генрих-Фридрих-Карл фон Штейн писал в 1812 году, что, заимствуя в Европе «общепользные знания и учреждения», Россия «должна была сохранить в то же время свои первоначальные нравы, образ жизни, одежду; она не должна была подкапывать и портить свою самобытность, изменяя все это. Ей не нужно было ни французской кухни, ни французской одежды, ни иностранного типа; она могла исключить из собственного все грубое, не отказываясь от всех его осо-

бенностей. Положение столицы России (т. е. Петербурга), пример правителей, естественная склонность нации к подражанию, способствовали усилению страсти к иностранным обычаям. И кого же избрали себе за образец русские? Самую изнеженную и испорченную нацию из всех европейских – французскую. Язык французов, их литература, их способ воспитания сделали господствующими в высших классах и имели самые гибельные последствия для нравственности и народного образования. Не пора ли <...> в виду этого последнего обстоятельства положить предел дальнейшему вторжению иностранного элемента, не следовало ли бы возвратиться к столь целесообразной и удобной национальной одежде, не следовало ли бы императорскому двору перенестись в Москву» [цит. по: 12, с. 42].

Таким образом, первоначальный вариант русского консерватизма явился непосредственной и очень острой реакцией на западничество наиболее активной и влиятельной части правящего слоя и культурной элиты.

Литература

1. *Альтшуллер М.Г.* Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor, 1984.
2. *Бокова В.М.* Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003.
3. *Галахов А.Д.* Русская патриотическая литература 1805–1812 // Филологические записки. 1867. Вып. 1.
4. *Глинка С.Н.* Записки. М., 2004.
5. *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007.
6. *Карамзин Н.М.* О любви к Отечеству и народной гордости // О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.
7. *Карамзин Н.М.* О новых благородных училищах, заводимых в России // Вестник Европы. 1802. № 8.
8. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.
9. *Местр, Ж. де.* Петербургские письма // Звезда. 1994. № 11.
10. *Местр, Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера. СПб., 1998.
11. *Местр, Ж. де.* Сочинения. СПб., 2007.
12. *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1886. Т. 2.
13. *Ростопчин Ф.В.* «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» // Ох, французы! М., 1992.
14. *Стурдза А.С.* «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания // Москвитянин. 1851. Ноябрь. Кн. 1. № 21.
15. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый: его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 3.
16. *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1.
17. *Шишков А.С.* Рассуждение о любви к Отечеству // Собрание сочинений и переводов. СПб., 1825. Ч. IV.
18. *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собрание сочинений и переводов. СПб., 1824. Ч. II.

Аннотация. В статье анализируются причины возникновения русского консерватизма в начале XIX века. Первоначальная версия русского консерватизма была реакцией на галломанию, которая являлась одной из исторических форм русского западничества. Ранний русский консерватизм окончательно сложился в годы масштабной агрессии со стороны наполеоновской Франции.

Ключевые слова: русский консерватизм, галломания, западничество.

Arkady Minakov, PhD, Professor, Voronezh State University; Director, The Center for the Study of Conservatism. E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

Anti-Westernism in Early Russian Conservatism

Abstract. The article analyzes the root causes of Russian conservatism in the early nineteenth century. Russian conservatism arose as a reaction against Gallophilia (Gallomania), a strain of Russian Westernism. Early Russian conservatism took shape amid full-scale aggression by Napoleonic France.

Keywords: Russian conservatism, Gallomania, Westernism.